

0-755024

На правах рукописи

НИКИТИНА Нина Павловна

**ОБРАЗНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
«ЖУРНАЛИСТИКА-ОБЩЕСТВО» В РУССКОЙ ПРОЗЕ
РУБЕЖА XX-XXI ВЕКОВ**

Автореферат
диссертации на соискание ученой степени
кандидата филологических наук

10.01.01 – РУССКАЯ ЛИТЕРАТУРА

Армавир 2006

Диссертация выполнена на кафедре теории русского языка и литературы Армавирского лингвистического университета

Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор **Р.С. Сакиева**

Официальные оппоненты: доктор филологических наук,
профессор **Г.М. Соловьев**

кандидат филологических наук,
доцент **Д.А. Ковальчук**

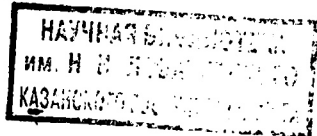
Ведущая организация: Адыгейский государственный
университет

Защита состоится «27» февраля 2006 года в 10 часов на заседании диссертационного совета КМ 212.333.01 в Армавирском государственном педагогическом университете по адресу: 352900, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, 159, ауд. 16.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Армавирского государственного педагогического университета по адресу: 352900, г. Армавир, ул. Розы Люксембург, 159.

Автореферат разослан «25» января 2006 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета
канд. филол. наук

Н.И. Крижановский

НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА КГУ

0000235889

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

В работе исследуются образные системы, раскрывающие проблему взаимодействия «журналистика-общество» в отечественной прозе. Актуальность исследования заключается в единстве трех основных гносеологических предпосылок: в аспектах общего, частного и особенного.

Во-первых, для науки о русской литературе принципиальна традиция исследования образных решений этических, эстетических, социальных и психологических проблем. Она носит всеобщий характер (показательны труды с симптоматичными заглавиями, выполненные в различных научных школах: от Д.С.Лихачева до В.Г.Базанова).

Вторая предпосылка актуальности – частная гносеологическая парадоксальность. Избранная проблематика специально не исследовалась, однако ее затрагивают в самых разнообразных ракурсах, подчеркивая высокую объяснительную перспективу образа журналиста. Примечательно, например, внимание американских русистов и теоретиков литературы к образу советского журналиста в творчестве Э.Хемингуэя.

В-третьих, в современной гносеологической ситуации закономерно растет особая роль художественного познания. Соответствующее направление анализа позволит обосновать исключительную роль литературного образа как квинтэссенции существенных признаков реального феномена.

Этим обстоятельством обусловлена конкретизация актуальности: хронологическая, родовая и феноменологическая. В исследовании привлечены произведения последнего полувека развития отечественной прозы, что мотивировано как большей репрезентативностью этого рода литературы (по сравнению с поэзией, драматургией), так и малой изученностью. Между феноменами «журналистика» и «общество» определяются смешанные отношения, поскольку первая и включается во второе, и в то же время они дифференцируются. Внутренняя дифференциация наблюдается и в феномене «общество»; значим, в частности, властный аспект этого феномена.

Предмет исследования – образные системы в прозаических произведениях избранного периода. Причем в работе обобщаются различные репрезентативные сферы предметного пространства, включая повести Б.П.Екимова «Частное расследование» и «Донос» (соответственно 1977 и 1978); серию романов А.Д.Константинова с условным общим именованием «Андрей Серегин» и центральным персонажем Андреем Серегиним-Обнорским («Журналист», «Сочинитель» и др.; 1990-2005); повести Т.В.Устиновой «Богиня прайм-тайма», «Седьмое небо» и др. (2004-2005). Единство эмпирической основы исследования, вполне достоверное на фоне жанровых дифференциаций и разительно несхожих творческих индивидуальностей, определяется нами комплексно: по эстетическим и этическим характеристикам. Они отвечают как позитивным традициям отечественной литературы, так и критериям современной художественной актуальности.

Цель исследования – систематизировать образные решения проблемы взаимодействия между журналистикой и обществом. Цель осуществляется посредством решения двух основных взаимосвязанных задач: характеристиками образа-события и образа-персонажа как способов представления проблемы.

Теоретическая значимость работы заключается в определенном обогащении отдельных элементов филологического знания (художественный образ, образная система, образное раскрытие проблемы). Образ определяется нами как форма литературно-художественного познания, актуализируемая высокой проблемностью познаваемого феномена.

Практическая значимость результатов многоаспектна. Основной аспект – направленность на учебный процесс в различных условиях, прежде всего – при изучении будущими филологами общих и специальных вузовских дисциплин: теории литературы, современной отечественной литературы, спецкурсов, посвященных художественной образности и жанровой разновидности «повесть о журналисте» (journalist novel).

Методология исследования соединяет необходимую комплексность и систему приоритетов в раскрытии образного познания:

национальнокультурного и нравственно-эстетического (на базе концепций М.М.Бахтина, Ю.И.Селезнева, В.В.Кожина). С методологией взаимосвязано единство используемых методов и приемов. В нем исходным служит системный подход (предполагающий также корреляции с функциональным и с текстологическим аспектами). Системность в указанном ракурсе предполагает принципиальную установку на «обретение духовной истины и обнаружение ее перед людьми» (Сосновский 2003). В образных системах учитываются такие феномены новой прозы, как интертекст и гипертекст.

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Образное представление взаимодействия «журналистика-общество» определяется познавательно-эстетическими доминантами. Закономерный характер представления связан с природой художественного познания, его неповторимыми возможностями и взаимообусловленностью с научным и публицистическим познанием. Обращение к соответствующим образам-персонажам, образам-событиям (личность журналиста, журналистское расследование как цепь поступков) детерминировано тенденциями современной русской прозы. Оно обладает дифференцирующими возможностями, подтверждающими специфические черты развития отечественной литературы в рассматриваемый период.

2. В исследуемых произведениях системную (в т.ч. жанрообразующую и сюжетоорганизующую) роль играет образ журналиста – служителя слова и совести. В двунаправленном многоплановом взаимодействии «журналист-общество» складываются и укрепляются позитивные начала личности. Они эстетически соотнесены с прочными образными традициями русской прозы (Иван Лагтев у Б.П.Екимова, Андрей Серёгин у А.Д.Константинова, Ольга и Николай Бахрушины у Т.В.Устиновой и др.).

3. Исследуемые образы сложно отражают и реакцию на формирование нового типа социального устройства - «информационного общества», в котором резко возрастает роль журналистики как одного из основных субъектов информационного воздействия. В крайне конфликтных условиях налицо эстетическая доминанта духовного подъема, которая проявляется в том, что образы-события,

образы-персонажи ориентированы на укрепление созидательных начал бытия.

Научная новизна результатов состоит в выявлении ранее не обнаруженных характеристик, свойств предмета исследования. Во-первых, для образов-событий оказывается системной единая – акционально-нравственная – составляющая. Она обладает дифференцирующей ролью, поскольку актуальна для образного представления исследуемого взаимодействия, а не для онтологии художественных проблем в целом.

Во-вторых, установлена определяющая роль образной реализации таких качеств персонажа, как самоотдача, самопожертвование, личностная самодостаточность. С ними соотнесено своеобычие образов-поступков. О ведущем характере этих аспектов образа свидетельствует и их значимость для сюжетостроения. Единую направленность, единосущность двух указанных свойств, также ранее не выявленную, объясняет методологически значимый «эффект «перекрестка» жизни как постоянного повторения общих ситуаций, определяющей среди которых является ситуация выбора» (Павлов 2003).

Апробация результатов заключается в представлении докладов на научные итоговые конференции Армавирского государственного педагогического университета, Армавирского лингвистического университета и Кубанского государственного университета.

Результаты исследований внедрены в практику работы со студентами.

Структура и объем диссертации. Работа состоит из Введения, двух глав, Заключения и Библиографического списка (197 наименований). Общий объем диссертации — 188 страниц.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Во **Введении** определяются общие квалификационные характеристики исследования.

В **первой главе «Образ-событие как способ представления взаимодействия «журналистика – общество»** на основе исходных

концептов характеризуется образно-событийное решение исследуемого взаимодействия.

В качестве исходных концептов соотносятся следующие: взаимодействие, образ, образная система, образное раскрытие.

В понимании литературного образа акцентируем ту взаимосвязь между индивидуализацией и обобщением, которую наиболее емко раскрывает динамичная концепция В.В.Кожина. Это мотивировано как онтологией прозы, так и спецификой избранного объекта: «Как же создается образ... где же источник художественности, энергия, создающая образ? Суть дела заключается именно в индивидуализированности. Изображая что-либо, прозаик стремится как можно решительнее преодолеть обобщенность слова, заставить его выражать предельно узкое, особенное значение. Художественная проза как бы идет на штурм обобщенности...» (Кожин 1963; см. конкретизацию его подхода в новейших трудах, в том числе на материале образа журналиста в художественной прозе: Барков 2004). Этой сутью образа обусловлено рождаемое им множество мыслей, представлений, «отпечатанный в нем» (по выражению Л.Толстого) характер среды и т.д. Подчеркнем высокую объяснительную силу указанной концепции: она распространяема на образ-персонаж, образ-событие, образ-переживание и др. Таков типичный для материала событийный образ-спор; причем индивидуализация особенно рельефна на фоне абстракций, служащих не просто предметом спора, но образным материалом. Ярким и характерным примером этому является спор двух коллег из повести А.Е.Рекемчука «36 и 6»: первый, молодой репортер, настаивает сохранить в своем репортаже финал, который предельно заостряет социально-экономическую проблему и потому вычеркивается ответственным секретарем. Протагонист Алеша Рыжов – новичок в областной редакции – напоминает своему наставнику, ответсеку Василию Бубееву, отвлеченные сентенции, абстрактные истины, высказывавшиеся им ранее и отвергаемые ныне (сталкивает его с ним же самим, обнажая суть множественной личности). Эти абстракции явлены в индивидуальной форме (выпуклость-вогнутость и др.), придающей индивидуализированность и самому спору. Типовая ситуация закреплена индиви-

дуальностью художественного события. И «цепь событий разматывается» (В.В.Кожин) далее: новичок добивается своего, вовлекая в решение проблемы других коллег. Благодаря событию-спору и образ-персонаж раскрывается в динамике, посредством которой представлено становление цельной личности. Взаимодействие «журналистика-общество» показано в данном случае в единстве простоты и проблемности: «Газета ... должна добиваться конкретной пользы».

Тот или иной образ как объект отдельного исследования в принципе допускает абстрагирование от смежных феноменов, но это бывает оправданным крайне редко. Научный анализ как таковой, литературоведческие традиции предполагают рассмотрение единства в многообразии. Это требование реализуется различными общенаучными, общегуманитарными, филологическими парадигмами. Наиболее органичен для решаемых задач системный подход. Соответственно, привлекается концепт «образная система», что требует оговорить избранное понимание системности. Понятия «системный подход», «системный анализ», «системность» закономерно укрепляются в исследованиях, относящихся к разнообразным сферам. И хотя методология системного анализа как оригинального научного подхода уже сложилась, единообразия в трактовке ключевых терминов, особенно при их переносе в гуманитарную сферу, пока нет. Мы под системным подразумеваем подход, позволяющий дать адекватное представление об объекте через сопряжение трех плоскостей систематики: предметной, функциональной и исторической. (См. обоснование этой трактовки со ссылкой на М.М.Бахтина в работах его последователя В.Д.Могилевского, особенно – в монографии «Методология систем: вербальный подход» (1999).

Предметный аспект системного исследования позволяет, во-первых, представить понятие системы в виде совокупности элементов, объединенных связями и функционирующих как нечто целостное, а во-вторых, обосновать окружающее систему содержание среды, имеющее с ней (системой) двусторонние связи, наполненные сигналами. Изучение состава системы в данном случае не может ограничиться обнаружением содержащихся в ней элементов — такую задачу успешно решал и традиционный, чисто аналитический под-

ход. Системный подход исходит из представления об изучаемой системе как о целостности, и вычленение элементов и подсистем, образующих эту целостность, должно представлять их как необходимые и достаточные для самого существования данной системы. Эффективный путь решения этой задачи – подход к изучаемой системе как к части некой метасистемы, т. е. извне, из среды, в которую она вписана и в которой она функционирует. Образная система раскрывается, согласно этому требованию, с учетом целостности как художественного произведения, так и литературного процесса. Учитывается также, что «единый художественный мир состоит из реальных и бытия и мыслимого автором мира» (Кузнецова 2003).

Так могут быть поняты закономерности возникновения, существования и назначения системы – главную роль, которую она играет во включающей ее метасистеме.

Получение той информации о системе, которую дает ее элементно-структурный анализ, позволяет перейти к изучению ее реальной жизнедеятельности – ее функционирования. При этом уже нельзя рассматривать систему абстрагированно от ее среды. Функциональный аспект системного анализа позволяет исследовать механизмы внутренней деятельности системы (взаимодействие ее элементов) и внешней деятельности системы (ее взаимодействия со средой).

Внутреннее функционирование системы исследуется в его обусловленности, с одной стороны, ее элементным составом и структурой, а с другой – ее внешней функцией, которая определяет характер взаимодействия всех элементов системы. Что же касается исследования внешнего функционирования системы, то оно, в свою очередь, имеет двусторонний характер: его можно описать как обмен энергией, выражающийся в том, что среда воздействует на находящуюся в ней систему, которая избирательно воспринимает и перерабатывает эти воздействия в соответствии со своей внутренней природой, а система активно воздействует на среду, сознательно или бессознательно, преднамеренно или непреднамеренно.

Исследование внутреннего и внешнего функционирования системы еще ничего не говорит нам, однако, о ее происхождении, раз-

витии и перспективах ее дальнейшего существования. Это означает, что если анализ динамики реального бытия системы преодолевает абстрактность элементно-структурного анализа, то сам он тоже остается в известной мере отвлеченным, ибо абстрагирует систему от ее реальной истории. Вот почему применительно к исследованию гуманитарных, социальных объектов системный подход требует скрещивания предметного и функционального аспектов с историческим. Исторический угол зрения имеет два аспекта – генетический и прогностический. Первый определяет необходимость осветить происхождение данной системы, процесс ее формирования, второй связан с рассмотрением перспектив дальнейшего развития системы, ее возможного будущего, ожидаемого поведения.

Преобразование, борьба с несправедностью как событие, сущее для журналиста, раскрывается взаимосвязанными гранями. Данное положение наилучшим образом иллюстрируется в работе представлением образа-события в повести Б.П.Екимова «Частное расследование».

Экспозиционная беседа 15-летнего сына с пожилым отцом-журналистом служит исходным звеном событийно-образной цепочки. Развитие событий прогнозируемо: цепочку индивидуализированно-закономерно развивают драки и шантаж, преступления без кары и наказание за чистоту. И сложный событийный образ оказывается дважды гносеологичным — он суть художественное познание процессов, свойственных публицисту при постижении истины.

В приведенном примере (проза 1980-х годов) допустимо усмотреть и своеобразную предпосылку одного из направлений развития образов-событий, представляющих взаимодействие между журналистикой и обществом в отечественной литературе новейшего периода. Это направление конструктивного характера, определяемое в единстве с контрастными векторами. Даже при абстрагировании от социальных катаклизмов последних десятилетий следует отметить нарастание нравственных, созидательных начал журналистики (в острейшей идейной, межличностной борьбе и в корреляции с персонажами, «выросшими» из пушкинского «курилки» или Летучего и Перекрестова в романе «Горное гнездо» Д.Н.Мамина-Сибиряка).

Художественно значима установка защитить беззащитного, отстаять истину, справедливость, представленная в таких событийных образах, как в указанном выше фрагменте «Частного расследования» Б.П.Екимова.

Отмеченная эстетическая черта соотносима с социальной ситуацией. Формирование в России «демократического режима» актуализировало потребность диалога как признака гражданского общества. Это вызвано антикризисной установкой, объяснимой согласно системологическому принципу противовеса. Российское общество постсоветского периода постоянно подвергается различного рода кризисам. Для смягчения их на практике в России последних десятилетий проявляются попытки восстановления общественных устоев и установления доверия народа к деятельности властей. Особую роль в этом играет журналистика, личность журналиста. Трансформационные тенденции, имея интерактивный характер, находятся в прямой связи с коммуникативными процессами.

Процесс перехода постсоветского общества на новый уровень развития отличается сложным и комплексным характером, включающим индивидуальные национальные черты и тенденции глобального масштаба. Переходные политические процессы в постсоветских обществах разнообразны и многоплановы. Следует учитывать, что характер процессов в российских СМИ противоречив и неоднозначен. Российские СМИ переживают те же болезненные процессы, что и все общество в целом, и с постепенным выходом его из кризиса смогут преодолеть те трудности, которые они сегодня испытывают. Можно констатировать, что некоторый либерализм середины 90-х годов XX века сменился практическим свертыванием государственной поддержки СМИ и передачей их на произвол местных властей. Вместо того чтобы стимулировать самоорганизацию и саморегулирование прессы посредством формирования благоприятной среды, государство в лице органов законодательной и исполнительной власти, как в центре, так и на местах, стремится насаждать новые механизмы административного регулирования и расширять сферы его применения. По мнению ряда исследователей, российская пресса – и личность журналиста – сегодня далека от высоких стан-

дартов объективности, нравственности, честности. Более того, в России почти исчезла независимая пресса. Налицо отчуждение значительной части российской журналистики от общества. Оборвалась культурно-историческая линия массовизации прессы, и резко возросла ее асоциальность. Возросли коммерциализация и манипулирование в СМИ.

В литературно-художественном познании эти процессы получают неоднозначную интерпретацию. Образное познание соответствующих явлений переплетается с общенаучным, включая философское.

На сегодняшний день философский подход к исследованию информационных явлений на парадигмальном уровне представлен тремя основными исследовательскими моделями: классической (механистической, тоталитарной, субъект-объектной), неклассической (релятивистской, манипулятивной, объект-субъектной), постнеклассической (синергетической, диалоговой, субъект-субъектной). Сегодня приобрел особую актуальность информациологический подход, разработанный академиком И.И.Юзвиным.

Согласно новой, постсинергетической парадигме, разрабатываемой в рамках постнеклассической последней модели, социальные отношения, как правило, являются управляемыми и направляемыми. В то же время возрастает роль информации в управлении большими социальными системами.

Уже в 1970-1980-е годы литературно-художественная интерпретация предпосылок и генезиса отмеченных процессов получила научное осмысление — преимущественно в связи с проблемой героя (исследования А.С.Горловского). В дальнейшем взаимосвязанные социальные, этические и эстетические тенденции расширили проблематику: в ряде прозаических произведений выявляется соответствующая специфика «двойника» героя, образных систем с особой ролью второстепенных персонажей, жанровые, композиционные новации.

Как отмечают многие современные исследователи, в жизни общества все более усиливается значимость массовой информации, актуальной для больших групп людей и способной реально менять

психическое содержание массового сознания. С этим соотнесено развитие литературно-художественного познания данной сферы, включая особую рефлексию классических традиций отечественной прозы.

В исследуемых образных системах проблемное, конфликтное взаимодействие «журналистика-общество» явлено органично — подобно образам пейзажа или вечным образам бытия, причем зачастую во взаимосвязи с ними.

Вторая глава «Образ-персонаж в аспекте взаимодействия «журналистика – общество» посвящена функционально-эстетическим возможностям образа-персонажа. Для него, в отличие от образа-события, определяющей оказывается корреляция явленного и сущего.

В исследуемом эмпирическом пространстве указанную корреляцию создает сложная взаимосвязь между четырьмя аспектами образа. Это расхождение внутренней сущности с внешними проявлениями; динамичная роль специфических художественных деталей; выбор повествовательных планов; интертекстуальные и гипертекстуальные характеристики. Указанная взаимосвязь проявляется как в отдельном образе-персонаже, так и в образных системах. Рассмотрим аспекты последовательно.

Характерны расхождения между внешней модной «протестностью» и внутренней рептильностью, распадом личности, ее отказом от нравственной самоидентификации («готовность продать душу»).

Ярким, оптимальным способом раскрытия множественной личности служит взаимодействие с обществом, с властью. Соответствующие образные корреляции конститутивны для эстетической системности произведений, для закономерностей композиции и сюжетостроения. Репрезентативный фрагмент из «Богини прайм-тайма» индивидуально-специфичен особой емкостью. При этом он типологически показателен для других произведений, включая как глубоко оригинальные «Частное расследование» и «Донос» Бориса Екимова, «Андрея Серёгина» Андрея Константинова, «Варшавские истории» Анатолия Друзенко, «Журналистскую рулетку» Алексея Позина, так и иные (несколько вторичные, по мнению литературных оппонен-

тов, отчасти даже эпигонские, масскультовые, чем в то же время акцентируется регулярность образного раскрытия проблемы, существенная для проводимого нами исследования).

В произведении Т.Устиновой коррелируют образы журналистов: продажного Толи Борейко и благородной четы Бахрушиных.

Непрофессионализм, безличность первого взаимообусловлены с расхождением между внешней деловитостью, «дурной энергией» и духовной пустотой, инертностью. Она обрекает на неудачи даже в относительно простых ситуациях (см. начало нижеприведенного фрагмента), толкает на предательство дела, державы, конкретных людей, прежде всего коллег, страдающих, гибнущих по вине негодя-непрофессионала и ему подобных. Его двойственность всеобъемлюща: он даже «на войне (афганской, 1980-е годы.- Н.Н.) был - как не был», обществу его псевдодеятельность чужда в самом широком смысле. (В лексическом строе этой антиличности - созвучия с пушкинским «курилкой-журналистом»).

Образы явлены многомерно: в профессионально-духовных деяниях, во взаимоотношениях с носителем власти, во внутренней речи. Наиболее показательна следующая корреляция: *«Однажды они снимали пресс-конференцию министра МЧС, который долго и старательно не отвечал на Толин вопрос, а Толя всё повторял его – слово в слово! Министр в конце концов озверел и велел ему катиться с этим вопросом и даже уточнил, куда именно... С тех пор министр МЧС, по слухам, каждый раз интересовался, кто будет на конференции от Интерфакса, и если ему отвечали, что может быть и Борейко, министр весело сообщал своей пресс-службе, что пусть она катится туда же...*

Вспомнив про министра, Ольга улыбнулась. Он был молодой, решительный, сердитый и веселый – самый лучший из всех известных ей министров, а уж она-то их повидала, как любой высокоуровневый журналист! С Бахрушиным министр дружил, и они даже раз ездили куда-то на своих громадных вездеходных машинах, напялив куртки и болотные сапоги, и там, куда приехали, сидели на берегу чистой и быстрой речки и до утра разговаривали о делах. На их мужском языке это называлось «вырваться на рыбалку».

Духовную значимость Ольги и Николая Бахрушиных образная корреляция с Борейко содержательно сгущает и в то же время эстетически смягчает.

Второй аспект специфики исследуемых образов-персонажей, связанный с художественной деталью, сущностно отличается от первого. В нем явлена образная перемена: подчиненность человека социуму, односторонность профессионала, растворение личности в профессии обращается в многомерность, в душевное богатство.

Динамика образа-персонажа закономерно сопряжена с системой проявлений. Среди них заметна меняющаяся роль художественной детали — например, артефактов. Так, публицист, преданно служащий и своему делу, и высоким нравственным идеалам, обычно представлен в динамике. Первоначально в образной системе он явлен ограниченными личностными ролями — в первую очередь, самозабвенный журналист, чуть ли не придаток своей техники-артефакта, который обретает символичность, самодостаточность (телекамера, компьютер и др.).

В дальнейшем же логика развития образа (взаимообусловленная с событийными цепочками) приводит к духовному обогащению. Приоритетными становятся высокие ценности (любовь, жертвенность). И профессиональные артефакты неизбежно отходят на задний план.

Репрезентативно раскрывается эта динамика в «Богине прайм-тайма» — в обращении подвижника Никиты с телекамерой, которое органично представлено с первой страницы текста до последней. Показательны три эпизода: от завязки до кульминации — к развязке; в последнем эпизоде «священную» камеру герой почти швыряет на землю — конечно, нечаянно (что ранее было немислимо, художественно-реально недопустимо: образные микросистемы преобразуются). Ср.:

/1/ Пыль была везде... У Ники в глазах появилось страдание: камеру он жалел больше, чем себя — как все высококлассные профессионалы (с. 7);

/2/ В самом начале афганской эпопеи Ники сильно разрезал ладонь — остушился, упал почти в середину огромной вонючей лужи,

камеру удержал, а руку раскрыл. Из раны лилась кровь, промыть было нечем... (с.119);

/3/ - Я решила, что ты должен на мне жениться, - произнесла она (Алина, суперзвезда ТВ, по телефону) отчетливо. - Слышишь, Ники? Я хочу, чтоб ты был мой муж. Чтобы я тебя ждала! Чтобы у нас была коляска, а в ней ребенок!

Он вытер лоб о рукав майки, не отрывая от уха телефон, и скинул, почти швырнул на землю свою драгоценную камеру. — Я у же сделал тебе предложение... Вчера. (с.316)

Артефакт во внутренней взаимосвязи с динамикой личности обретает конкретику, ему возвращена исконная значимость, более органичная по сравнению с квазисимвольной. (Незакономерно перевернутый мир, по Ж.Бодрийяру, становится «на ноги»). Нравственные начала в единстве с современными художественными поисками повышают эстетические возможности, потенциал детали, и без того значительные, — так подтверждается закономерность, обоснованная на совершенно ином материале в серии монографий (особенно в разделах известного труда И.А.Щировой: «Взаимосвязь детали с литературным образом», «Эмоциональный символ» и «Возможные миры имплицитно изображенного сознания: гносеологическая классификация детали»).

Третий аспект своеобразия рассматриваемых образов-персонажей связан с повествовательными планами. Образные возможности двух основных регистров – первое лицо либо третье – совпадают не полностью. В том числе для представления взаимодействия «журналистика-общество».

Обратимся к различиям указанных регистров и к их роли в материале. Для современного литературоведения характерно истолкование корреляции между повествовательными планами с опорой на суждения У.Сомерсета Моэма. (Их упоминал и М.М.Бахтин, не щедрый на обращения к такого рода сентенциям). Английский писатель, публицист, филолог шлифовал названную корреляцию как в острейшей полемике, так и в бесстрастной аналитике (особенно в эссе «Искусство слова», «Искусство рассказа», «Упадок и разруше-

ние детектива»; материал последнего отчасти эмпирически созвучен исследуемым нами образным системам).

Для рассматриваемых образов-персонажей справедлива специфика повествования от первого лица, обеспечивающая персонажную дифференциацию: «автор видит в герое себя, значит, видит его изнутри, субъективно, и, рассказывая то, что видит, отдает ему сомнения, слабости, колебания, которые испытывал сам, а другие персонажи он видит снаружи, объективно, с помощью воображения или интуиции» (Моэм 2004, с акцентированием достоинств такого повествования в прозе Дэниэла Дефо, Лоренса Стерна, Уильяма Мейкписа Теккерея, Марселя Пруста и др.).

Показательно, что эта черта обладает обобщенностью: она отличается как остросюжетно-холодную поделку беллетриста /1/, так и повествование художника из «горячей точки» с элементами документальности /2/. Сравним фрагменты двух произведений с единичными, но принципиальными сюжетными схождениями, значимыми именно для раскрытия взаимодействия между журналистикой и обществом:

/1/ Правда, на работе было не все гладко и просто, особенно в последнее время. Нашлись люди, которым не нравилось, как мы ведем дела с нашей передачей, и они пытались на нас давить. Давление становилось все сильнее, а неделю назад произошла трагедия: наш директор программы Витя Андреев и корреспондент Оксана Бондаренко погибли. Взорвалась машина, в которой они вместе ехали. Конечно, всех сотрудников нашей программы долго, вынимая душу, допрашивали, по сто раз задавая одни и те же вопросы. Все мы рассказывали милиционерам одно и то же, потому что ничего больше сказать не могли. Но в то время я еще жил. Пусть переживал, страдал, но жил.

А вчера я жить перестал. (А.Маринина. Я умер вчера);

/2/ Ситуация могла окончательно выйти из-под контроля, но в отличие от первой чеченской войны объявляется зона чрезвычайного положения. И вот в это время я был откомандирован в республику с простенькой задачей: создать национальное телевидение Ин-

гушетти, поскольку ингушская государственность образовывалась заново. Мне было отпущено на это 45 суток. (...)

И вдруг этой весной - приглашение от нового президента республики Мурата Зязикова, который извиняется за забывчивость своего предшественника и говорит, что мне присвоено звание заслуженного деятеля культуры республики Ингушетия. Мурат Зязиков, не только генерал, но и историк, предложил мне снять фильм в память о жертвах этой трагедии. (С. Слепцов. Строители и всадники).

Образ повествователя в определенном ракурсе отходит в тень (ср. у Моэма предостережение о том, что герой-рассказчик, центральная фигура, может показаться «бледным по сравнению с людьми, с которыми сводит его судьба»). Повествователь-журналист взаимодействует с образами социума на гибкой художественной дистанции: от отдаленности, самоуглубления, которые создаёт исключительность первого лица, - до сближения, тем более что среди других персонажей обычно представлены и коллеги-журналисты.

При более распространенном регистре — третьем лице — такая гибкость невозможна. Однако данный повествовательный план обладает иным достоинством, также актуальным для раскрытия проблемы взаимодействия «журналистика-общество». Это установка «всеведения»: по Моэму, «автор может сказать вам все, что считает нужным, без чего вы не уследите за сюжетом и не поймете действующих лиц».

Четвертый аспект исследования образа-персонажа в избранном ракурсе связан с интертекстуальными и гипертекстуальными характеристиками. В сложившихся традициях их филологического анализа опорным служит подход М.М.Бахтина: как для зарубежного литературоведения (с 1960-х годов), так и для отечественных исследований (особенно в последние двадцать лет). Наиболее емко указание на связь между единством и потенциальной вычленяемостью различных пространств в художественной данности — см. характеристику «помимо», не случайно возникшую именно в работе «Проблема содержания материала и формы в словесном художественном

творчестве». «Помимо данной автору действительности, он имеет дело также с предшествующими и современными ему текстами, с которой он находится в постоянном «диалоге», понимаемом как борьба автора с существующими формами». Познавательный акт находит действительность уже оцененную и упорядоченную этическим поступком. И познавательный акт повсюду должен занимать по отношению к этой действительности существенную позицию. «То же самое должно сказать и о художественном акте: и он живет и движется не в пустоте, а в напряженной ценностной атмосфере ответственного самоопределения» (Бахтин 1975).

Итак, автор имеет дело не с действительностью вообще, а с уже оцененной и оформленной действительностью, причем в акте творчества «преднаходимым» является не только содержание, но и форма. Превращение отдельного произведения в «предзнание», его «размыкание» есть условие его вхождения в историю и культуру. Соответственно, интертекстуальность – «чужое слово» (Бахтин 1986), или «образ литературы в литературе» (Хализев 2004). Гипертекстуальность – такое включение текста А в текст Б, при котором текст А интегрирует целочастную динамику: свойства «новой» части и исходного целого (Нельсон 1965; Давыдова 2005).

Образ-персонаж, связанный с информационной деятельностью, закономерно более разносторонне представлен в интертекстуальных аспектах, нежели без них. Для исследуемого периода развития отечественной прозы это общее положение уточняется – как связь гипертекста с нравственно значимыми и социально-дискуссионными текстовыми реальностями. Среди прочих наиболее показателен фрагмент, характеризующий общественную направленность статьи журналиста-гражданина, носителя национальных, культурных, нравственных ценностей Владислава Куликова (субъект действий «решил», «писал» выражен имплицитно, в отдаленном контексте, а в приведенном микроконтексте не назван):

«Как раз на Манеже прошла громадная манифестация протеста. Складывалось впечатление – черепаха хочет расстаться со своим панцирем, даже не догадываясь, что это смертельно для нее. Решил самовыразиться по поводу текущего момента... заголовок

дал нежный: «Один с сошкой - семеро с ложкой». ...Когда писал, из головы не шла картина: отец, захваченный дискуссией вокруг какой-то нашумевшей солженицынской публикации. Отец так завелся, что далее письмо в поддержку критику с палочкой написал – ответа, правда, не последовало...

На солнечную, тогда еще такую компактную столицу накатила первая волна от прочтения булгаковского романа. Только и говорили о толстом Бегемоте, починающем примус...» (А.Н.Позин. Журналистская рулетка).

Интертекстуальность оказывается необходимым способом образного раскрытия исследуемого взаимодействия. Так, без введения текстовых реалий прошлого, а именно 1960-1970-х годов, реализация образа-персонажа в социально значимых поступках на рубеже 1990-х – 2000-х годов менее детерминирована, менее связана со средой. Эта реализация явлена в единстве с иными способами передачи обобщенности – такими, как мотивированный выбор именований, интегрирующий интимизацию и восприятие объекта массовым сознанием. (Для него принципиальна возможная потеря исторической памяти, артефакт определеннее, чем имя, и типична безымянность узнаваемых личностей: критик с палочкой – В.Я.Лакшин).

Интертекстуальность, всё более характерная для различных творческих индивидуальностей, углубляет образное представление той черты, которая принципиальна для исследуемого взаимодействия и которую, в ее событийно-персонажной явленности, допустимо именовать двунаправленной драматичностью. Она позволяет резюмировать анализ двух образных подпространств: событийного и персонажного.

Исследуемое эстетическое пространство гносеологически соотносимо с реальным взаимодействием журналистики и общества. Для этой интеракции типична двунаправленная конфликтность и контрастные тенденции негопозитивности. С одной стороны, растет число конфликтов, где вина инкриминируется журналистам. И количество исков к СМИ с обвинениями их в оскорблении чести и достоинства возрастает ежегодно. С другой, громкие убийства Дмитрия Холодова и Ларисы Юдиной, растущее количество случаев гибели журна-

листов, по которым следствие редко находит убийц и заказчиков этих преступлений, свидетельствует о неравной борьбе лучших представителей российской журналистики за право на свободу слова. Угрозы по поводу опубликованных, а также готовящихся к публикации материалов стали весьма распространенным видом давления на журналистов. По мнению специалистов, например М.А.Федотова (2003), «отладка механизма», который бы сделал СМИ зависимыми только от их аудитории, пока отдалена от возможностей социума; она не составляет на сегодняшний день приоритет законодательной и законоприменительной деятельности. Между тем афиширующееся стремление к позитивным преобразованиям требует именно такой установки.

Художественное познание, опережая и восполняя указанную духовную потребность, являет ее образные реализации.

Так, показательны событийно-персонажные образы, обобщающие смертельные угрозы гражданской журналистской деятельности и общественную реакцию на этот сюжетный исход. В этом плане интересен образ-реакция горожан, толпы на образ-судьбу (А.В.Кузнецова): на судьбу публициста, закаленного в информационных ристалищах и героически погибшего за свободу славян Приднестровья /1/; на событийный образ случайной гибели, являющей закономерную трагичность судьбы благородной, высоконравственной журналистки /2/:

/1/ Белозеров умел ставить неудобные вопросы как власть имущим, так и ранее неприкасаемым органам. Те не жаловали настырного и любопытного журналиста... Полгорода пришло на Славянское кладбище провожать «последнего романтика славянства» (В.В.Кирпильцов. Перекрестки);

/2/ И от «Мерседеса» уже кто-то бежал, на ходу доставая пистолет, и вопль перерос в визг, и люди бросились врассыпную, как при бомбежке.

Только одна скрюченная фигура осталась на освещенном асфальтовом пятачке.

Вокруг нее растекалась черная лужа, и ей некуда и незачем было бежать

- Ма-ам!

Толпа внезапно как-то странно шарахнулась, подалась куда-то, и в ее сердцевине начал закручиваться вопль (Т.Е. Устинова. Большое зло и мелкие пакости).

Кардинально различные творческие манеры оттеняет единую трагическую пластику. Даже в этом образном аспекте прослеживается поддержка духовному созиданию, преодолевается безысходность.

В **Заключении** обобщаются результаты исследования и обобщаются перспективы его развития.

Основные положения исследования отражены в 7 публикациях:

1. Никитина Н.П. Образные решения проблемы взаимодействия «журналист-общество» в русской прозе рубежа XX-XXI веков // Журналистика: информационное пространство. – 2005. - № 4. - С. 12-16 (0,7 п.л.).

2. Никитина Н.П. Теледебаты и правовая динамика в современной России // Журналистика: информационное пространство. - 2004. - № 1. - С.27-29 (0,4 п.л.).

3. Никитина Н.П. Факторы преодоления кризисной ситуации во взаимоотношениях власти, СМИ и общества // Журналистика: информационное пространство. - 2004.- № 2. - С.45-52 (0,9 п.л.).

4. Никитина Н.П. Теледебаты: от Америки к России // Образование. Наука. Творчество. - 2003. - № 1. - С.82-85 (0,3 п.л.).

5. Никитина Н.П. Некоторые аспекты эффективности рекламы в региональных СМИ // AVE ALU: Сб. научно-методических статей. – Армавир: АЛУ, 2003. - С. 154-156 (0,2 п.л.).

6. Никитина Н.П. Методы связей с общественностью в решении социальных проблем // Public Relations в системе междисциплинарных исследований. Вып.1: Взаимодействие концептов и концепций. Краснодар: КубГУ, 2004. - С.34-38 (0,6 п.л.).

7. Никитина Н.П. Тенденции в подготовке специалистов по связям с общественностью в вузах России // Сб. научно-методических работ АЛУ. - Армавир: АЛУ. - 2005. - Ч.2. - С. 101-107 (0,5 п.л.).

НИКИТИНА Нина Павловна

**ОБРАЗНОЕ ПРЕДСТАВЛЕНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ
«ЖУРНАЛИСТИКА-ОБЩЕСТВО» В РУССКОЙ ПРОЗЕ
РУБЕЖА XX-XXI ВЕКОВ**

Отпечатано в АЛУ

Бумага офсетная. Формат 84x108 1/32. Печ. л. 1,2. Тираж 120 экз.

Заказ № 147

Армавирский лингвистический университет, 352901, г. Армавир,
ул. Кирова, 22-24.

